Сообщения

Л. И. Семенова

О ВЛИЯНИИ ПОКОЛЕННОГО СОСТАВА СЕМЬИ НА ПЕРЕДАЧУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (по материалам села Ляльшур Удмуртской АССР)

Семья привлекает внимание специалистов разных наук: демографов; социологов, юристов, психологов и др. Большое внимание уделяют ей и этнографы. Одна из основных задач этнографического изучения семьи — «раскрытие этнической стороны происходящих в ней процессов социализации личности» [1].

Как известно, одной из функций семьи является передача того культурного наследства, которым располагает общество на данном этапе исторического развития. При этом семья в рамках более широкой общности (государство, этнос и т. д.) создает свою собственную культурную среду, которая определяет особенности формирования культурных ориентаций, в том числе и этнического самосознания, у всех членов семьи, и прежде всего у детей.

В процессе социализации каждое новое поколение воспринимает от родителей родной язык, нормы поведения, обряды, обычаи. Тем самым семья, в известном смысле обеспечивая единство прерывности и непрерывности культурных традиций народа, осуществляет воспроизводство этнических традиций. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали, что новое «поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [2].

В этнографической науке общепризнана роль семьи в этнических процессах, но исследование механизма передачи этнокультурных традиций от поколения к поколению в семье только начинается. В этой статье рассматривается лишь один аспект данной проблемы — влияние состава сельской семьи на трансмиссию культурно-бытовых традиций в ней.

Особое внимание уделяется поколенному составу семьи, в частности роли старшего поколения в приобщении молодежи к культурным ценностям своего народа, к его истории, обрядам, внутрисемейному этикету и т. д.

Анализируя поколенный и количественный состав семей, мы пытались выявить зависимость устойчивости традиций (обряды, обычаи, нормы взаимоотношений мужа и жены, родителей и детей, старшего и младшего поколений) от поколенного состава семьи, т. е. рассмотрели эти показатели в двух- и трехпоколенных семьях.

---

[1] *Ю. В. Бромлей.* К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.— «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 16.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 45.

Проведенное под руководством В. В. Пименова в 1968 г. представительное исследование удмуртского этноса[3] выявило основные тенденции современных этнических процессов у удмуртов. В ходе исследования был собран обширный материал, позволивший более углубленно изучить конкретные вопросы из жизни удмуртского народа, в частности семью.

Объектом нашего изучения явилась сельская семья удмуртов в послевоенный период. Наш выбор был обусловлен тем, что в селе лучше сохраняются этнические традиции и семья живет здесь в более тесных, чем в городе, контактах с локальной общественной средой — сельским коллективом.

Изучение состава сельской семьи и роли каждой возрастной группы в ней является одним из отправных моментов при исследовании культурно-бытовой жизни семьи, в том числе связанной с передачей культурных традиций[4].

Предстояло выяснить правильность нашего предположения о том, что в трехпоколенных семьях, где живут представители старших возрастов, этнокультурные традиции сохраняются полнее и активнее передаются средней и младшей генерациям.

Исторически выработанная система ценностей, выраженная у каждого народа в виде обычаев и привычных норм жизни, определяет тип репродуктивного поведения[5]. В этой связи было выдвинуто предположение, что семьи, имеющие много детей (что характерно для старой удмуртской традиции), прочнее сохраняют и другие национальные обычаи и нормы бытовой жизни. Гипотеза эта нуждается в проверке.

Важным источником изучения динамики численного и поколенного состава семьи явились материалы переписей населения. К сожалению, они не всегда сопоставимы. К тому же данных, имеющихся в них, недостаточно, поэтому привлекались дополнительные источники — похозяйственные книги сельских советов, полевые этнографические материалы, данные этносоциологических опросов и т. п.

При изучении культуры и быта современной семьи важно получить количественные характеристики наиболее типичных явлений. Однако, исследуя семейные отношения и обычаи, мы считали необходимым дополнить и уточнить материалы, собранные с помощью формализованных интервью и количественных методов, данными стационарных этнографических наблюдений. Поэтому особое значение приобретал выбор объекта исследования.

Удмурты (финноязычный этнос Поволжья) делятся на две большие группы: северные и южные, которые значительно различаются языком, материальной и духовной культурой[6]. Не имея возможности провести исследование в обоих этнографических регионах, мы избрали в качестве объекта изучения центральную часть республики — Шарканский район, в заселении которого принимали участие обе группы удмуртов. На основе их смешения здесь сложились своеобразная культура и диалект, близкий к современному удмуртскому литературному языку[7].

По экономическим, социальным и демографическим характеристикам, которые соответствовали средним статистическим показателям по

---

[3] *В. В. Пименов.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

[4] *И. С. Кон.* Возрастные категории в науках о человеке и обществе.— «Социологические исследования», 1978, № 3, с. 84.

[5] Подробнее об этом см. *Л. Е. Дарский.* Рождаемость и репродуктивная функция семьи.— «Демографическое развитие семьи». М., 1979.

[6] *В. Е. Владыкин.* К вопросу об этнических группах удмуртов.— «Сов. этнография», 1970, № 3, с. 37—47.

[7] *С. К. Бушмакин.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Автореферат канд. дис. Тарту, 1971.

республике в целом, была выбрана деревня Ляльшур[8]. В ней 87 хозяйств. Опросом были охвачены все (70) полные семьи, причем интервью бралось у каждого члена семьи старше 16 лет. Таким образом, в выборку попали 177 человек из 313 жителей Ляльшура. Кроме того, в ходе исследования велись беседы и с жителями, не попавшими в выборку, — с одиночками, вдовами.

Выбор этой деревни диктовался еще одним существенным обстоятельством — возможностью сравнить современные данные с материалами, собранными в конце XIX в. первым удмуртским этнографом и просветителем Григорием Егоровичем Верещагиным, который жил и учительствовал в дер. Ляльшур. Его наблюдения над различными сторонами жизни и быта местных жителей легли в основу ряда книг и статей о жизни удмуртского народа[9]. Две его фундаментальные работы — «Вотяки Сосновского края» и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» — были отмечены серебряными медалями Русского географического общества. «Этого превосходного исследователя,— писал о Г. Верещагине известный венгерский ученый П. Домокош, — в равной мере занимали вопросы истории, этнографии, фольклора и языка. В целом ряде книг и статей он заложил основы удмуртской национальной науки»[10].

Летом 1977 и 1978 гг. мы провели в дер. Ляльшур этносоциологический опрос и этнографические наблюдения. Опрос сельских жителей осуществлен одним исследователем, без привлечения других интервьюеров.

В середине 80-х годов XIX в. Г. Е. Верещагин писал о жителях Ляльшура: «...любят жить большими семьями, в которых бывает двадцать и более человек при одном хозяине; вотяки вообще не любят разделов, говорят, что раздробление рабочих рук подрывает основание благосостояния, что от разделов бывают неудовольствия, ссоры, злоба и проч.»[11]. Численный состав семей достигал тогда 30—40 человек, а то и больше. Так, в с. Норьи «16 отцов семейства жили вместе и ели из одного котла»[12]. Экономической основой большой семьи[13] было совместное пользование выделенным ей участком общинной земли, общее ведение домашнего хозяйства и коллективное потребление производимых продуктов. Вместе с тем социальное расслоение удмуртского крестьянства подрывало устои большой патриархальной семьи и приводило к разделам. Уже в 1899 г. Г. Е. Верещагин отмечал: «Вотяки ныне...начали жить небольшими семьями, чего прежде у них не было»[14].

С тех пор произошли коренные изменения в составе семьи и внутрисемейных отношениях. Процесс распада классических больших патриархальных семей и образования малых семей (одна брачная пара с детьми, часто живущими с родителями или с одним из них), начавшийся у удмуртов в конце XIX в., завершился в основном к концу 1930-х

---

[8] О принципах выборки см. *Л. И. Семенова.* Опыт выбора села для этносоциологического изучения культурно-бытовых изменений в сельской удмуртской семье.— «Полевые исследования Ин-та этнографии 1977 года». М., 1979, с. 243—248.

[9] *Г. Е. Верещагин.* Вотяки Сосновского края.— «Записки РГО», отделение этнографии, т. XIV, в. 2, 1886; *его же.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии.— Там же, т. 14, в. 3, 1889; *его же.* Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда.— «Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год». Вятка, 1895; *его же.* О народных средствах врачевания в связи с поверьями.— «Этнографическое обозрение», 1898, кн. 3; *его же.* Старые обычаи и верования вотяков.— «Этнографическое обозрение», 1909, № 4, и др.

[10] *P. Domokos.* Az udmurt irodolom tortenete. Budapest, 1975, с. 34.

[11] *Г. Е. Верещагин.* Вотяки Сосновского края, с. 4.

[12] *М. Харузин.* Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда.— «Юридический вестник», 1833, № 2, с. 262.

[13] Под большой семьей мы понимаем семью с несколькими женатыми сыновьями (отцовская) или семью, где несколько женатых братьев вели общее хозяйство и жили вместе (братская).

[14] *Г. Е. Верещагин.* Вотяки Сарапульского уезда, с. 34.

Таблица 1

Число детей на 1000 человек в возрасте от 20 до 49 лет *

Национальность	1959 г. дети 0—9 лет	1970 г. дети 0—10 лет	Национальность	1959 г. дети 0—9 лет	1970 г. дети 0—10 лет
Удмурты	678	638	Чуваши	612	667
Марийцы	697	757	Башкиры	811	889
Мордва	545	520	Татары	607	579

* *В. И. Козлов.* Национальности СССР, с. 180.

годов [15]. В последующие годы принципиальных изменений в составе удмуртской семьи не произошло, и тенденции ее развития были те же, что и по стране в целом. Отметим также, что численность и структура удмуртской семьи близки по своим основным показателям к русской, белорусской, латышской, литовской семьям.

Результаты исследований, проведенных в различных районах СССР, показывают, что подавляющее большинство советских семей состоит из двух поколений, т. е. родителей и детей.

Та же ситуация характерна и для республик Поволжья. По данным переписи 1959 г., из одной брачной пары состояли: в Удмуртской АССР — 76,2% семей, в Марийской и Чувашской АССР — 74,8%, в Мордовской — 76,3%, в Татарской — 76,5%, в Башкирской — 78,9% семей. Наибольшее число семей из двух и более брачных пар [16] зафиксировано в Татарии (4,1%), наименьшее — в Башкирии (2,7). В Удмуртии этот показатель равен 3,2%.

Снижение рождаемости в большинстве районов нашей страны, особенно в 1960-е годы, привело к увеличению доли малодетных семей. Так, в СССР, по данным переписи 1970 г., 35,4% семей имели одного ребенка, 26,4% — двух, 17% — трех и более детей [17]. С развитием тенденции к малому числу детей большинство народов Поволжья по рождаемости приблизилось к латышам и эстонцам, для которых характерен самый малый естественный прирост в СССР. К 1970 г. коэффициент рождаемости в автономных республиках Поволжья уменьшился по сравнению с 1960 г. в 1,5—2 раза (в Удмуртской АССР с 29,8 до 16,4%) [18].

В Поволжье между переписями 1959 и 1970 гг. число детей на 1000 чел. увеличилось только у чувашей, башкир и марийцев. У остальных народов региона, в том числе у удмуртов, оно уменьшилось (см. табл. 1).

Количество детей в семье варьирует в зависимости от социальной принадлежности матери, рода ее занятий и возраста. Так, если принять за единицу среднее количество детей у матерей-служащих, то у матерей-рабочих в 1970 г. их было в 1,2 раза, а у колхозниц — в 1,5 раза больше [19]. В Удмуртии у сельских жительниц, занимающихся преимущественно физическим трудом, среднее число детей равно 2,2, а у занимающихся преимущественно умственным трудом — 1,8 [20].

---

[15] «Прошлое и настоящее сел Удмуртии». Ижевск, 1973, с. 22.

[16] По материалам переписи 1970 г. семьи с тремя супружескими парами составляют примерно 0,14% всех семей.— «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года». М. 1974, т. 7, с. 238.

[17] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. 7, с. 380.

[18] *В. И. Козлов.* Национальности СССР. М., 1975, с. 192, 193.

[19] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. 7, с. 444.

[20] *А. А. Петраков.* Социальная обусловленность уровня рождаемости. Ижевск. 1975, с. 46..

Таблица 2

Распределение семей в дер. Ляльшур по их размеру *

Число членов семьи	1949 год		1977 год	
	число семей	%	число семей	%
2	17	17,3	16	22,8
3	17	17,3	13	18,6
4	21	21,4	14	20,0
5 и более	43	44,0	27	38,6
Итого	98	100	70	100

* Таблица составлена на основании похозяйственных книг, которые хранятся в архиве Шарканского района.

Таблица 3

Распределение семей в дер. Ляльшур по поколенному составу и социальной принадлежности, %*

Поколенный состав семьи	Социальная принадлежность супругов		
	оба работники физического труда	оба работники умственного труда	смешанные в социальном отношении семьи
Однопоколенные	4,7	20,0	11,8
Двухпоколенные	55,8	60,0	58,8
Трехпоколенные	39,5	20,0	23,5
Четырехпоколенные	—	—	5,9
Итого	100	100	100

* Таблица составлена на основании похозяйственных книг, хранящихся в Петуневском сельском совете.

По сравнению с довоенным временем средний размер семьи к 1959 г. уменьшился по стране в целом с 4,1 до 3,7 чел., а в Удмуртии до 4,0[21].

В период между переписями 1959 и 1970 гг. средний размер семьи в целом не изменился, но в Удмуртии и в Мордовии он уменьшился на одну десятую, в остальных автономных республиках Поволжья он остался прежним (в 1970 г. составил 4,0 человека)[22]. При этом средний размер сельской семьи в Удмуртской АССР по сравнению с 1959 г. увеличился на 0,2 человека (с 4,1 до 4,3); таким образом, численный состав сельских семей в Удмуртии несколько больше, чем по стране в целом.

Анализ похозяйственных книг показал, что в дер. Ляльшур демографические характеристики семьи меняются в том же направлении, что и в других сельских районах Удмуртии и в стране в целом. Чтобы проследить тенденцию, сравним данные за 1949 и 1977 гг. (см. табл. 2). За три десятилетия доля семей из 5 и более человек (семьи трехпоколенные либо с тремя детьми) сократилась с 44 до 38,6%[23].

В 1977 г., как и в 1949 г., преобладали двухпоколенные семьи, трехпоколенных семей в 1977 г. было 26,1%, а в 1949 г. — 29,4%. Трехпоколенные семьи чаще встречаются среди работников физического труда (39,5%), у интеллигентов их только 20% (см. табл. 3), четырехпоколенных семей всего 1,1%.

Возросла доля одиночек. Как правило, это люди старшего возраста, много вдов (одинокие составляют 18,4% против 3,9% в 1949 г.).

Увеличение доли двухпоколенных и однопоколенных семей, а также одиночек связано с разными причинами, в том числе с улучшением ма-

[21] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР», с. 447.

[22] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. 7, с. 304 и далее.

[23] По стране в целом за период с 1939 по 1970 г. доля семей из 5 человек и более сократилась с 41,1 до 33,2%.

териальных условий жизни, с отделением молодых семей от родителей, миграцией. Немаловажную роль в этом процессе сыграл и морально-психологический фактор: желание молодых самостоятельно, без опеки и вмешательства старших строить свою семью. В нашем опросном листе специально ставился вопрос: «Скажите, пожалуйста, если бы Вам предоставили свободный выбор, как бы Вы предпочли жить: вместе с родителями или отдельно?» Ответы показали, что более половины наших респондентов хотят жить самостоятельно. Вместе с тем чувство привязанности, долга перед престарелыми родителями, боязнь осуждения со стороны общественного мнения, а также необходимость в помощниках при воспитании малолетних детей определили ответ трети опрошенных, высказавшихся за совместную жизнь с родителями (31,6%); 4,5% жителей Ляльшура хотят жить с родителями, пока дети малолетние (остальные не определили своего отношения).

Среди молодых работников умственного труда желающих жить самостоятельно больше, чем среди работников физического труда. Молодежь чаще, чем пожилые люди, высказывается за то, чтобы жить самостоятельно. Большинство пожилых людей, наоборот, хотят жить с молодыми, ссылаясь на то, что с возрастом все труднее ремонтировать дом и вести хозяйство.

Для определения степени сохранности традиций использовались такие показатели, как традиции внесемейного общения, главенство в семье и распределение в ней ролей, взаимоотношения между членами семьи, отношение к свадебному обряду и т. п., как это было принято и в исследованиях сектора конкретно-социологических исследований, проведенных в различных регионах нашей страны, а также в работах сектора народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера Института этнографии АН СССР.

В наш опросный лист с целью определения роли семьи в передаче этнокультурных традиций народа был введен вопрос о том, где и как наши респонденты познакомились с историей удмуртов и их национальной традиционной культурой. Судя по ответам, 35,3% жителей Ляльшура узнали об истории и культуре удмуртов в основном от старших членов семьи; такой же процент опрошенных указал, что источник их знаний — преимущественно средства массовой информации, школа и другие учебные заведения. И наконец, 29,4 респондентов ответили, что они получили представления об истории и культуре своего народа из различных источников: как в семье, так и в школе, через литературу и средства массовой информации. В трехпоколенных семьях заметно выше доля лиц, считающих, что семья оказала решающее влияние на их приобщение к истории и культуре удмуртов (47,7% против 27,5% в двухпоколенных). В двухпоколенных семьях среди каналов информации на первом месте оказались литература, радио, телевидение, учебные заведения (43,1%), тогда как в трехпоколенных семьях эти каналы как основные упомянули только 23,0%.

Влияние семьи на приобщение к истории и культуре своего народа, естественно, оказалось различным в разных социально-профессиональных группах сельского населения. У работников физического труда оно самое большое: среди них о национальной культуре и истории удмуртов узнали главным образом в семье 64,3% лиц, живущих в трехпоколенных семьях, и 40,4% — в двухпоколенных семьях, в то время как среди работников умственного труда семью как главный источник подобной информации указали 33% в трехпоколенных семьях и 11% в двухпоколенных.

Как видим, роль семьи в передаче этнокультурных традиций определяется не только социальным статусом, но и поколенным составом.

Чтобы изучить влияние состава семьи на сохранность традиций в быту и культуре, мы выделили в качестве индикаторов культурных и

бытовых традиций семейные обряды и распределение ролей в семье и рассмотрели эти показатели в разнопоколенных семьях. Мы ожидали, что в трех- и четырехпоколенных семьях традиционные свадебные, родильные и похоронные обряды совершаются в более полной форме, чем в двух- и однопоколенных. Казалось естественным, что наличие бабушек и дедушек способствует выполнению обрядности в этих семьях. Но в ходе опросов и целенаправленного стационарного наблюдения это предположение не подтвердилось. Выяснилось, что в сельских условиях выполнение семейных обрядов не зависит от поколенного состава семьи; обряды совершаются во всех семьях, с той лишь разницей, что смысловая нагрузка, глубина осознания совершаемых действий разная у представителей старшего и младшего поколения, у работников умственного и физического труда.

В ходе нашего интервью задавались вопросы, с помощью которых можно было выяснить, как соблюдаются традиционные удмуртские обряды на свадьбе, похоронах и родинах. 60% опрошенных справили свадьбу по традиционному удмуртскому обычаю, у 26,6% было просто застолье. Среди сыгравших традиционную удмуртскую свадьбу—63,3% работников умственного труда и 59,1% работников физического труда, застолье было у 28,0% работников умственного труда и у 26,7% работников физического труда. У многих респондентов время вступления в брак совпало с тяжелыми военными и послевоенными годами, когда было не до пышных свадеб и многие не смогли сыграть свадьбу так, как хотели. На вопрос же «Если бы Вы справили свадьбу сейчас, то какую бы предпочли?» 80% жителей Ляльшура ответили, что хотели бы сыграть традиционную удмуртскую свадьбу, и только 17% отдали предпочтение застолью (вечеринке). Из ляльшурцев в возрасте 16—29 лет 73,9% высказались за традиционную удмуртскую свадьбу и только 1,7% — за застолье.

Рождение детей в Ляльшуре до недавнего времени регистрировали в сельском совете и отмечали только по традиционному обычаю. В последние годы появилась новая традиция: наряду с традиционным обрядом стали проводить торжественную регистрацию детей в сельском совете. Среди опрошенных работников умственного труда 92,1% отметили рождение детей только по удмуртскому традиционному обычаю, а 5,9% исполнили традиционные обряды в сочетании с торжественной регистрацией новорожденного в сельском совете. Среди опрошенных работников физического труда эти показатели составили соответственно 97,9 и 0,1% (2% опрошенных не имеют детей).

Похоронные обряды и обычаи в дер. Ляльшур соблюдаются строже, чем другие семейные обряды. В каждой семье здесь совершается традиционный похоронный обряд, а в поминальные дни готовят жертвенную пищу, идут с ней на кладбище; на поминки обязательно приглашают всех родственников и тех, кто принимал участие в похоронах.

Преимущественно на бытовом уровне основные религиозные праздники (рождество, троицу, пасху) отмечают 65,5% жителей Ляльшура, хотя верующих здесь только 13%.

На вопрос о том, от кого респонденты узнали о свадебных и родильных обрядах, мы получили следующие ответы: о свадебных обрядах узнали от членов своей семьи 66,7%, о родильных обрядах — 67,2%; затруднились ответить на вопрос соответственно 14,1 и 20,9%. В остальных случаях источниками информации были друзья и знакомые.

Для деревни характерны более тесные контакты между людьми и такие обряды, как свадьба, похороны, родины, выходят за рамки семьи. Все взрослое население деревни идет смотреть свадьбу (хотя и не всегда участвует в ней), поздравляет с новорожденным, провожает в последний путь умершего. Участие же широкого круга родственников, объединенных патрономическими связями («иськавын», «бöляк»), в этих

мероприятиях считается обязательным. Об этой традиции еще в конце XIX в. писал и П. М. Богаевский: «Участие в семейных торжествах, если не целого рода, то, по крайней мере, заменившего его «бо́ляка» сохранилось доселе... На свадьбе совокупность участвующих лиц составляет бо́ляк, бо́ляк же участвует в похоронах, он первый будет извещен о несчастии, постигшем вотяка, на семейном пиршестве опять-таки собирается „бо́ляк"»[24]. Теперь функции «бо́ляка, иськавына» перешли к соседям, которых по традиции в дер. Ляльшур называют «иськавын», даже при отсутствии родственных связей с ними.

Как показали стационарные наблюдения, в сельской местности Удмуртии в отличие от городов все еще сильно регулирующее влияние локального общественного мнения. В деревне вся жизнь на виду, весь быт ее жителей находится под повседневным контролем локальной общности. Традиции эти восходят еще к сельской общине. Испокон веков сельская община регламентировала практически все стороны семейного быта, семейно-брачные отношения в деревне «как прямым, так и опосредованным способом — выработанные «миром» обычаи и традиции руководили сознанием и поступками отдельных личностей»[25].

Вместе с тем на нормы отношений внутри семьи и на некоторые нормы этикета заметно влияет и состав семьи. По данным опроса и стационарного наблюдения, в удмуртской семье на плечах жены лежит бо́льшая часть домашних дел: стирка, приготовление пищи, уход за детьми и т. п. Если в семье есть бабушка, она заметно облегчает жизнь снохи или дочери, беря на себя ведение домашнего хозяйства, воспитание малолетних детей. В то же время в трехпоколенной семье четче сохраняется деление домашних дел на мужские и женские, причем старшее поколение контролирует распределение этих обязанностей. Так, например, для мужчины считается зазорным носить воду (только некоторые соглашаются выполнить просьбу жены принести воду, и то в моменты, когда родители этого не видят). Следует заметить, что во всех сельских семьях, как в двух-, так и в трехпоколенных, мужчины по традиции выполняют тяжелую физическую работу, независимо от числа поколений семьи. По мнению представителей старшего поколения, а также работников малоквалифицированного физического труда, муж как глава семьи должен представлять ее интересы на собраниях, обращаться с просьбой в правление колхоза, в учреждения.

При изучении проблем семьи важным является вопрос о главенстве в ней. Известно, что традиционная система распределения ролей, обусловленная разделением труда, была основана на подчиненном положении женщины. У удмуртов во главе семьи стоял обычно старший мужчина. Как самый опытный, он ведал всеми сельскохозяйственными и другими работами в хозяйстве, заботился о благополучии и счастье семьи. После смерти хозяина его место обычно занимал брат или старший сын. Но это правило не было обязательным, так как во главе хозяйства должен был стоять наиболее способный, грамотный, бережливый[26]. Умению хозяина вести дело придавалось огромное значение. «По мужу и жена», «по лаптю колодка», — говорят удмурты. Бывали случаи, когда главенствующую роль в семье играла вдова, даже при женатых сыновьях, но обычно она передавала власть старшему сыну, оставляя за собой право давать советы и контролировать его деятельность[27].

Следует особо остановиться на положении женщины в удмуртской семье. «...Среди этого народа, — писал М. О. Косвен, — женщина с изу-

---

[24] *П. М. Богаевский.* Очерк быта сарапульских вотяков.— «Сборник материалов по этнографии при Дашковском Музее», в. III. М., 1888.

[25] *Н. А. Миненко.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979, с. 282.

[26] Там же, с. 35.

[27] *П. М. Богаевский.* Указ. раб., с. 48.

мительной стойкостью сумела сохранить, в известной, конечно, мере, свое равноправие и независимое положение в различных областях жизни и быта»[28]. Нужно подчеркнуть, что положение удмуртки заметно отличалось от положения женщин других народов Поволжья. У удмуртов женщина не испытывала «семейного разлада и приниженного положения, как это бывает в русской крестьянской семье; она несет свою ношу трудов, правда тяжелую, под говор и ласки доброго мужа»[29]. Г. Е. Верещагин писал о ляльшурцах: «Мужья со своими женами живут согласно, обращаются с ними ласково, и муж, не испросив согласия жены, не предпринимает ничего»[30].

Немаловажную роль в семье играла старшая женщина — жена главы или его мать. В ее ведении находилась вся женская половина семьи, она распоряжалась домашними делами. Состарившись, она отходила от этих дел, но авторитет ее сохранялся до смерти, при решении хозяйственных вопросов всегда и во всем советовались с ней.

Из снох больше всех почиталась жена старшего сына: «Старшую сноху почитай за мать, а старшего деверя за свекра»[31]. Наиболее приниженным было положение младшей снохи. И все же положение снохи в семье определялось не столько ее возрастом, сколько личными качествами: трудолюбием, кротостью и, главное, материальным положением — приданым. В качестве приданого обычно давали скот. Он и его приплод являлись собственностью снохи. Предметы рукоделия, а также деньги, вырученные от продажи «своедельщины», поступали исключительно в ее владение, остальные члены семьи могли пользоваться этим имуществом только с ее позволения[32].

Женщины, попадая в большую семью, старались несколько обособиться внутри семьи и не сливаться с ней полностью. В зажиточных семьях для каждой снохи строили отдельно «кенос» (клеть), где она была полновластной хозяйкой, хранила свое приданое, летом жила с детьми и мужем, а также принимала своих гостей. В менее зажиточных семьях в общем «кеносе» снохе выделялось место «кен сэрег» (угол снохи), но при этом «все в одной печке пищу готовили, все из одного котла ели»[33].

Такое относительно независимое положение удмуртской женщины объясняется, как нам кажется, не только экономическими причинами. Оно связано, очевидно, с какими-то архаическими традициями, которые еще недостаточно исследованы. Мир и согласие, порядок в большой семье держались на беспрекословном послушании старшим, самым большим нарушением этикета у удмуртов было ослушание родителей. На этом принципе основывались взаимные отношения в семье, поэтому «никаких ссор и перебранок в удмуртской семье, — как отмечал Г. Е. Верещагин, — не услышите»[34]. Хотя глава семьи имел большие права, все важные вопросы, как правило, выносились на семейный совет: «обычай требует, чтобы старший совещался с остальными членами семьи»[35].

И все же в условиях натурального хозяйства, при низком уровне производительных сил и соответствующих производственных отношениях независимость женщины была весьма относительной, ибо удмуртка была «значима» лишь при муже. Отзвуки этого до сих пор иногда чувствуются в отношении к замужней и незамужней женщине.

---

[28] *М. О. Косвен.* Распад родового строя у удмуртов.— «Уч. зап. НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР», в. II. М., 1931, с. 23.

[29] *В. Кошурников.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880, с. 10.

[30] *Г. Е. Верещагин.* Вотяки Сосновского края, с. 5.

[31] *М. Харузин.* Указ. раб., с. 263.

[32] Там же.

[33] Там же, с. 262.

[34] *Г. Е. Верещагин.* Вотяки Сосновского края, с. 6.

[35] *П. М. Богаевский.* Указ. раб., с. 46.

Эти традиции ощущаются и во взаимоотношениях в современной семье. Так, в 84,2% семей в обсуждении семейных проблем участвуют все члены семьи, включая и старших детей; в 11,4% семей важные вопросы решает только муж, в 4,2% — чаще решает жена; в 2,8% — родители мужа или жены. Каких-либо заметных различий в этом отношении между работниками умственного и физического труда, между членами двух- и трехпоколенных семей нет.

У удмуртов семейная «казна» раньше всегда хранилась у жены, и муж без ее согласия не мог распоряжаться деньгами[36]. В нашей выборке в 52,8% опрошенных семей деньгами распоряжаются муж и жена вместе, в 40% семей — жена. Это зависит не от поколенного состава семьи, а от социального положения респондентов: в 66,6% семей интеллигентов и 73,6% смешанных семей распоряжаются деньгами муж и жена вместе; зато у 58,4% работников физического труда эта роль отводится жене.

Подводя итог, можно сказать, что поколенный состав семьи заметно влияет на распределение ролей в ней. На обрядовую же сферу семейной жизни он не оказывает существенного влияния, ибо в селах решающую роль в сохранении обрядов играет локальное общественное мнение.

Наши выводы, полученные при исследовании локального объекта в сельских условиях, естественно, могут быть уточнены при изучении городских и сельских семей у других народов нашей страны.

Дальнейшее исследование, видимо, позволит показать национально-региональную специфику процесса трансмиссии культуры в рамках семьи.

---

[36] *М. О. Косвен.* Указ. раб., с. 28.